

говорить и о замечательном стиле романа, который представляет из себя органический сплав народного словарного материала, эпического склада героической народной песни и стремительной поступи поэмы о труде.

В этом обзоре нам приходится ограничиться лишь рассмотрением общей установки произведения. И в этом направлении о «Цементе» нам хочется прибавить следующее. Роман представляет собой громадный шаг вперед по отношению к предшествующим произведениям самого автора. Впервые в этом романе плуг его взрывает целину действительности. Еще недавно плуг этот романтически бороздил жизнь гораздо ближе к поверхности, лишь временами достигая ее плодородных пластов, хотя уже и тогда он обнаруживал остроту и крепость, которые позволяли ожидать, что он рано или поздно войдет в самую землю. Как бы то ни было, и в «Цементе» есть еще следы этого романтизма. Самая установка темы говорит о ней: труд еще понимается здесь отчасти как напряженный героический порыв; парт-организация живет как бы над страной, при чем ритм ее жизни обгоняет ритм среды, с которой ей приходится иметь дело; не видно «приводных ремней», которыми мотор партии приводит в движение маховое колесо народного хозяйства, тех рабочих и, в особенности, крестьян, которые ведь не только тормозили работу партии, но сплошь и рядом подталкивали ее и постоянно служили ей коррективом; протестующая, держащая и как бы празднично-боевая роль партии выдвинута за счет повседневной буднично-организационной. Вся эта исключительность в трактовке темы объясняется, конечно, эпохой первого периода непа, к которой относится действие. Все же она приводит, подчас, к напряженности в стиле романа (не всегда оправдываемой трудовым порывом, как темой) и не позволяет автору разрешить некоторые из поднятых им проблем (так, проблема взаимоотношений Глеба и Даши остается висеть в воздухе, между тем, это вторая центральная тема романа).

«Цемент» большое достижение. Но это еще большее обязательство. После него мы вправе ждать от автора дальнейшего углубления в целину изображаемой им действительности, и в повседневные ее творческие будни, полные огромного содержания и красоты не меньшей, чем героические взлеты, так глубоко изображенные Gladковым. Но для этого писателю придется в своей дальнейшей творческой работе присоединить к протестующему «Лермонтовскому» мировосприятию долю прекрасной «Пушкинской» ясности. Мы уверены, что писатель с таким большим жизненным охватом и с таким громадным чувством жизни неизбежно к этому придет. За это ручается жизнеутверждающий, мажорный тон «Цемент».

Другим крупным достижением нашей пролетарской литературы за этот год является роман А. Веселого «Земля родная». В известном смысле оно поллярно «Цементу» Gladкова. Здесь от романтизма мы не найдем и следа. Артем Веселый непосредственно радуется жизни, ее формам, ее бытовому и даже этнографическому насыщению. Если у Gladкова в центре внимания—человек в окружении города и машин, то у Веселого это, главным образом, деревня и, если город, то уездный. На страницах «Земли родной» господствует бытовизм, но бытовизм радостный, вопреки описываемому тягостному быту. Колоритность происходящего на глазах у писателя бурления жизни, отдачность писательской воли ее взбаламученным волнам— вот что составляет душу этого романа. А. Веселый богат красками и штрихами, обаяние его

манеры—в теплоте и глубине тонов, которые он избирает для изображения уездного и деревенского. С одинаковым и каким-то любовным вниманием изображает он и нелепицу уездного инструктора, по несознательности насажавшего кулачков на места предвиков, и распаренную натуру купчика-художника-коммуниста, которого жена-коммунистка никак не может вовлечь в работу, и самое Гильду, пламенную активную работницу, у которой крепкий, здоровый смех, как хруст разгрызаемой капустной кочерыжки, и красноармейский бал в уездном городке, и зверское истребление коммунистов мужиками по деревням. Хороши у него массовые сцены: встреча красного конного отряда городом Клюквиным, занятия Гильды с красноармейцами по политграмоте, мобилизованные крестьяне в бане, забастовка ж.-д. депо, масляница в деревне и т. д.

Веселый обладает способностью чувствовать жизнь толпы—крестьянской, красноармейской, рабочей, бабьей,—умением расслышать в ней различные голоса, сливающиеся в один голос, и увидеть разные лица, сливающиеся в одно лицо. Но со столь же непосредственной легкостью проникает его взгляд и во внутренний мир тех немудрых индивидуальностей, которые даются его перу любовного соглядатая жизни без видимого труда и в которых он, при всей их простоте, умеет видеть великое разнообразие. Байбак (и в сущности, шкурник, прикидывающийся коммунистом) купеческий сынок Ефим, «барышня-латышка»—Гильда, начальник конного отряда, а затем предгубкома Капустин, «бешеный комиссар» Ванякин, длинный ряд крестьян, дезертиры с Митькой Кольцовым во главе и целый ряд других фигур двумя-тремя штрихами даны во всех подробностях своего лица и характера. Способностью подводить изображаемое лицо вплотную к читателю, знакомить его с ним запросто, А. Веселый обладает в высокой мере.

Дар изобразительности составляет главную ценность «Земли родной». Она-то и заставляет нас поставить этот роман в первый ряд произведений пролетарской литературы, оставленных нам этим годом как ценное наследство. Все же о большом стиле говорить на этот раз мы не решились бы. Разительной чертой романа является некая несведенность концов с концами, ощущение которой становится все сильнее с каждой прочитанной страницей, а после прочтения всей вещи вырастает в большой вопрос, неотвязно стоящий перед читателем. Это ощущение идет не от стиля и даже не от композиции романа. Совершенно очевидна внешняя зависимость А. Веселого в этом отношении от Пильняка. В стиле—тот же монотонный речитатив, то нервно-ускоряющийся, то заплетающийся в вычурных арабесках. В композиции—то же сплетение многих сюжетов, из которых каждый как бы существует в романе рядом с другими и не сливаясь с ними. Но совершенно очевидно, также, что использование Пильняковской манеры здесь чисто внешнее. Светлый, жизнерадостный артистизм Веселого нигде не впадает в истерическую крикливость Пильняка, упоенно-загромождающуюся проблемами и захлебывающуюся в противоречиях, часто мнимых.

Причина несведенности концов с концами в «Земле родной»—не в стиле и не в композиции, а в самом замысле романа. Нанизывая картину за картиной, образ за образом, автор как-будто единственной целью своей работы считает это нанизывание, словно полагает, что его картины и образы сами дойдут до читателя, который и сделает нужный вывод, а он, автор,

от этой обобщающей работы избавлен. Подробно изображает он перебои в работе Советского уездного аппарата, раскрываемые им в ряде характерных штрихов, достижений и нелепиц, с наименьшей подробностью рисует дикую реакцию мужиков, пытающихся сбросить с себя тяжкий, хоть и неизбежный хомут военного коммунизма... Мужичий бунт растет, развивается, грозит захлестнуть уездный центр, крестьяне имеют в свое оправдание многое и многое из того, что так убедительно изображено самим автором,—иначе говоря, конфликт изображен трагическим, каким он и был в действительности. Читатель, естественно, ждет объяснения, выхода (который в действительности, ведь, был же найден)... Но А. Веселый уже удовлетворен, его художнический порыв исчерпан серией занимательных и с большим теплом нарисованных картин,—как художник, он доволен, ему больше ничего не надо. И вот, следует глава 12-я и последняя. Она вся в нескольких строках:

«Город гудел тревогой.

«Восстанцы шли подобно земляному потоку, все сметая по пути.

«Встречь, в дребезжащих теплушках, накатывались красные полки.

«Ударилась.

«Город подмял деревню, соломенная сила рухнула, и восстанцы, бросая по дорогам вилы, пики, ружья,—на все стороны бежали, скакали и ползли, страшные и дикие, как с Мамаева побоища»...

Не правда ли, этой внешне-изображенной победы слишком недостаточно для развязки большого произведения? Но А. Веселый доволен; он так рад всему, что ему пришлось изобразить:

«Страна родная!..—воскликает он.—Дым, огонь—конца краю нет!...»

Такой срыв у А. Веселого не может быть, конечно, ничем иным, как недостатком, порожденным молодостью (писательской, разумеется). Думается, к этой же категории недостатков нужно отнести и вычурность языка («Снеж» вм. снег, «Вьюж», «Встречь» и т. д.) и внешнюю зависимость от Пильняка и Белого. Как бы то ни было, и при этих недостатках «Земля родная» крупное достижение пролетарской литературы за этот год.

Третьим примечательным явлением в этой области является повесть Ю. Либединского «Комиссары» (опубликована пока вся первая часть и отдельные главы второй). Действие повести относится к тому периоду, когда еще недавно «отгремела гражданская». Военкомы одного из дальних округов, по наблюдению командующего округом, «скучают». Кто женился на мешанке, кого тянет в свое крестьянское хозяйство, кому просто хочется к семье. Работа падает. Этому сопутствует еще и то обстоятельство, что организационная и пропагандистская работа в мирной обстановке требует специальных знаний, которых у военкомов, воспитанных в обстановке гражданской войны, понятно, быть не может. Это тоже содействует упадку рабочего настроения и направляет внимание по руслу личных интересов. Начпуокра Ефим Розов, которого многие партийцы называли за его жестокость и непреклонность в работе «чортушкой», а иные даже бранили бюрократом, но который на самом деле был выдержанным, стойким партийцем, способным убраться со своей собственной дороги все личное, если оно становится препятствием